

ОХРАННАЯ ГРАМОТА

В разные годы из Одессы уехали три поэтессы. Ирина Ратушинская живет сейчас в Англии, в минувшем году, наконец, и в нашем городе увидела свет ее книга. Инна Богачинская напомнила о себе в горбачевские времена через «Огонек» — подборку ее стихов представил тогда Андрей Вознесенский. Не забывала свою землячку и одесские газеты. Поэтессу Веру Зубареву знают у нас буквально единицы. Как и Богачинская, она эмигрировала в США.

I.

ПОБИН посуду с официозом в конце 82 года, я остался без работы считай до развала Союза. За исключением двухлетнего пребывания в скромнейшей должности литконсультанта при областной писательской организации. Поток графомании в застоиные времена напоминал нерестовый ход рыбы. Разница в одном — стихометание не знает сезонов. Моя задача состояла в том, чтобы не погибнуть от уныния.

Появление Зубаревой в комнате литконсультанта выглядело аномалией. «противоходом» теории вероятности. Принесенные ею стихи были поэзией. Ощущалось, что автору сия тайна уже известна. А какие еще советы мог адресовать литконсультант молодой, статной, иконной красоты женщине?

Мы подружались. Шел 87-й. Мне казалось, что у Зубаревой все шло тип-топ в семье, она как-то старомодно — и как госпожа, и как цыня — любила сына Мишеньку. К тому же Вера не работала, была домоседкой (поселок Котовского!). Связующими с миром нитями могли быть литера-

турные. Постепенно выяснилось, что заправили нескольких интеллектуальных тусовок вполне осознанно и самоохотно не принимают Веру и ее стихи.

Дело в том, что Зубарева, как я понимаю, не могла принять правил стаи, интеллигентствующей малины, построенных на прайдовом страхе подчиняемости и зависимости. Она не играла диссидентуру, как некоторые литературные божки, мнившие себя покрытыми идеологическими шрамами. Мне подобострастно внимающих кухонь и кружков («ах, как смело!») они одинаково последовательно добивались то места в партбюро, то, позднее, хотя бы самого скромного депутатского значка.

Да, Веру нельзя было сразить как анекдотом «на политическом бульваре», так и московской максимой, вроде такой: «Коротич в «Огоньке» — это равно кадрированной дивизии». И заговорщицкий блеск в глазах вещающего. И тишина!.. Ей, Зубаревой, совсем было невдомек, что такой ниспровергатель власти предержащих, как верующий дорогу к храму, знал дорожку в обком партии: при каких-либо осложнениях ища там защиту и поддержку, не удерживаясь от искушения оставить подписанный пасквиль на коллегу.

Вера сторонилась политики, как зачумленности, нечистоплотности. Хотя вполне здраво, критически относилась к действительности. Но принимать участие в политических маскарадах, разыгрываемых на подоконниках мастерской художника или в кафе, — этому не могла сподобиться. Говорю все это для того, чтобы оттенить следящую мысль: эмиграция Зубаре-

вой и ее семейства была делом сугубо личным, тихой трагедией, о которой знали ближайшие родственники и друзья. Зато покровитель творческой молодежи остался верен себе до конца. С одной стороны, он несколькими людям доверительно рассказывал (почти хвастал), как областные начальники избавляли его и семью от тягот очередей за выездными документами. А с другой — не удержался от публикации отъездной подборки стихов, где особо подчеркнул свою ненависть к царящим (увы) у нас порядкам.

Кстати, и сборничек стихов за счет завода был спроворен аккуратно к отъезду того, кого власти всегда щедро подпитывали «березовым соком». Вера Зубарева уехала с солидной, практически не востребованной, рукописью...

II.

Ее изредка печатали в Одессе — одно-два стихотворения покороче, в общей подборке, скажем, к 8 Марта. Может, отсутствие социальных мотивов опрессило лирику Зубаревой — на вкус редакционных селекционеров. Но существенным было отсутствие опознавательного знака принадлежности к группе, ее неспособность к мимикрии.

Топтаться за четко очерченным кругом? Вера решила прозерить себя в другой системе оценок. Она отправила стихи Белле Ахатовне Ахмадулиной. Затем посетила поэтессу в Москве.

И вот в журнале «Смена» за 1988 год (тираж был — больше 2 миллионов) появилась подборка стихов Веры и ее фотография (что и вызва-

ло лавину писем в Одессу). Но вчитаемся во вступительное слово Ахмадулиной. «Я не скучаю о своей молодости и радуюсь молодости других — мне не хотелось бы провиниться перед ними... Тех, кто щедро и расточительно помогал мне да и всем, кто попадался на добрые их глаза, да но нет на свете. Сумею ли я посмотреть их любовным и охраняющим взглядом на тех, кто молод, на Веру Зубареву, например? Сначала я увидела ее стихи, воображение соотнесло их с морем и побережьем, с бликами с хрупким чередованием блеска и тени. Прихотливый, независимый и несомненно ранним мир открылся мне... И сама милая Вера очень понравилась мне! Я верю, что она слышит голос своей звезды, предвещающей удачу, но оберегающий от суевейздора, поспешности. Ее стихи — изъявление ясной и суверенной души, грациозно существующей в осознанном пространстве...».

В Одессе и бровью никто не повел после московской публикации. Не было предложений дать подборку стихов, выступить на телевидении. Носение Ахмадулиной имени и творчества Зубаревой подвинуло последнюю заглянуть в зеркальце будущего. Не тогда ли появилась мысль о эмиграции, о губительности окружающего, по сути провинциального, литературного уклада?

А еще Вера осознала, что всеобщей зашоренности не избежала сама. Как могло случиться, что ей, выпускнице филфака, почти год проучившейся в аспирантуре, практически не ведомой была поэзия славян, в том числе — украинская?.. Книги Лины Костенко, «Еврейская мелодия» Дмитра Павлычко, взрывная темпераментность строчек Бориса Нечерды, Микола Винграновского стали для Веры откровением. Как бы во вступительном невольной вине она взялась с переводы. Иногда звонил телефон «горячей связи» — Зубарева уточняла меня нюансы значения слова, оборота речи, толкования образа. Один такой разговор — с чтением переводов, обсуждением их качеств — продолжался часов шесть. Как-то я спросил

поэтессы, не попалю ли ей тогда это был зимний вечер) за телефоностихотоманию от мужа и сына. Вера о смехом ответила, что уже третью еделю только за переводами и снит. А еще позже рассказывала, что строила для родственников и знакомых несколько домашних вечеров украинской поэзии. Слушатели неизменно задавались вопросом: «Почему же мы ничего не знаем об украинской поэтической культуре?».

Мои возможности помочь Зубаревой в те времена были весьма ограничены. Несколько стихотворений появилось в сборнике «Горизонт», пару срезоводов — в русскоязычной книге Италья Березинского. Слушатели неизменно замечали подборку — с моим вступительным словом — в «Знамени коммунизма». Убедил было Веру сдать рукопись в издательство «Маяк», так пришлось сопровождать ее туда лично — автора страшил любой деловой разговор. Издатели отнеслись к представленным стихам вполне объективно, собирались ставить рукопись в лав выпуска. Да вот промахнулись с цензором. А тот, чего правду анти, решил продемонстрировать не профессиональную объективность, а онжуанские замашки. Автор решительно потребовала рукопись у издателя обратно. Те — к рецензенту, а онный решил удовлетвориться малым, вполне материальным: «Договор нас есть, рецензию я все же напишу, и вы мне заплатите».

III.

Осенью 1989 года семейство Веры Зубаревой эмигрировало. Маршрут в Юный Свет был стандартный — Австрия, Италия и ожидание выездной визы в Штаты. И вот Филадельфия, западное побережье Америки, как представляется в стране, где русскую литературу олицетворяют два дравствующие нобелевских лауреата — Иосиф Бродский и Александр олженницын? Автором неизданной книги стихов?..

«Каждый шаг может стоить тебе ебывалого успеха или небывалого роваала». Это из первого письма, на-

писанного где-то через полгода после приезда в Штаты. Чувствуется, что масштаб оценок определяется преувеличениями, опасливым отношением к новым реалиям. Хорошо, что рядом оказалась доброжелательная Инна Богачинская, которая нарисовала картину бытующих в эмиграции литературных нравов.

Может, этого и не следовало делать, но рискну обнародовать одно из откровений самой Веры (наперед винысь перед обеими дамами). Помню, долго качал я головой, сокрушаясь после прочтения небольшой фразы: «Как человек исключительной честности и бескомпромиссности, она нещадно гонима...».

О, парии что советской, что капиталистической ментальности, за селестливости, за душевную чистоту одинаково секут вас батожьем, науськают любую шавку. Вера писала о Богачинской, а молилась за себя и за нее.

Скромный халатик Золушки литературного подворья Зубаревой уже предлагали. В Америке она сама решила подобрать себе костюм и выбрала строгую тогу. Вера принципиально публикует в газете «Мир» большую рецензию на книгу стихов и прозы «Подтексты». Где с немалой толковой вывоза пишет: «Инна Богачинская — поэт настолько сложной и настолько чистой судьбы, что упоминание лишь Имени способно что-то повернуть в душе, привести в движение скрипучие механизмы совести — единственные механизмы, для которых смазка является причиной коррозии». Думаю, что эти слова многие русскоязычные литэмигранты прочитывали по несколько раз — с убывающим удовольствием...

Благо, что в Америке атмосферу общественных отношений диктуют все же сами американцы. Для Веры главным было, видимо, разорвать сугубо эмигрантский круг, с его ранжировкой, очень напоминающей одесскую. Она начала учиться и читать лекции в Пенсильванском университете. Жарким июньским днем первого эмигрантского лета состоялся первый авторский вечер в Северном Бронксе.

IV.

Каждый раз, когда я беру в руки первую книгу Веры, я неизменно вспоминаю строки Николая Заболоцкого, посвященные портрету Струйской кисти Федора Рокогова:

Ее глаза, как два тумана,
Полуулыбна, полуплач,
Ее глаза, как два обмана,
Покрытых, мглою неудач,
Соединенье двух загадок,
Полувосторг, полунпуг...

Книга называется «Аура». Во всю глянцевою обложку — портрет автора: спокойный поворот головы к плечу, волосы скромно, по-домашнему убраны на затылке, темная кофта, подчеркивающая скульптурность шеи, и — фокусирующие на себе все внимание глаза. Да, вот фамилия дана в американизированном варианте — Вера Зубарев.

Но сама книга замешена на дрожжах русской поэтической культуры. Речь не только об особой живости языка, как бы патинированного эпохой серебряного века, не о приверженности к точной рифме. Стихи Зубаревой источают флюиды душевного здоровья, благородной женственности. Есть в «Ауре» немало строф камерных, как бы дневниковых. Это «думанные стихами» вполне самоценно. Ибо и семейный мотив не наказан в литературе — если она искусство. Ведь изображение Богородицы, Панагии с Младенцем — уже столько столетий привлекает живописцев, — хотя изначально это семейный сюжет, апология материнства.

В строках Зубаревой пульсирует живая страсть, а не тренированная агитация, фантазия без горячечной запредельности, ранимость без изломанности. Ведь не случайно же С. Маршак предостерегал: «От пламени стены искусства корчиться не должны». Можно добавить: оценивая поэтическую материю, мы нередко забываем, что идеал есть норма.

V.

13 августа минувшего года выпало на пятницу. В Штатах подобное соче-

тание называют черным днем. Зубарева в этот день успешно защитила докторскую диссертацию по литературе (соответствует нашей кандидатской). А, может, Веру охраняют очень верные и надежные ангелы? Э нет, к тому времени уже был написан и опубликован «Трактат об ангелах». А там о них поэтесса отзывается не всегда лестно.

Выходит, что охранный грамота для Веры была выправлена в более высоких сферах, чем ангельские. А название той грамоты, видимо, дар Божий.

Неожиданностью стало получение из Филадельфии переложения «Слова о полку Игореве». Десятки и десятки людей уже брались за труд перевода в стихах и прозе этого памятника культуры Киевской Руси. Существуют украинская, русская, белорусская версии, считающиеся каноническими, хрестоматийными. И каждая новая попытка нового прочтения «Слова» выглядит как идефикс...

В случае с Зубаревой надо говорить о принципиальной концепции подхода к знаменитому источнику. Одновременно с переложением («я попыталась сохранить свободный строй стиха, его особую ритмику, лишенную как жесткой упорядоченности, так и бесконтрольной свободы») поэтесса принесла исследование на полтора печатных листа — «Вопрос о герое в «Слове о полку Игореве». Ключ к «Слову» Зубарева формулирует так: «...Все значительные русские и советские поэтические переводы «Слова» однозначно трактуют Бояна как «славного певца героического времени»... В своем переводе я заострила внимание не на талантах Бояна как поэта, а на проблеме придворного песнотворца и прагматическом использовании дара. В соответствии с этим образ автора «Слова» представлен как оппозиит Бояну в смысле развивающегося мышления начала. Также и образы князей теряют блеск доблестности. Мне показалось более интересным показать психологию их поведения, нежели героизм».

Вера написала большое эссе о крупной писательнице зарубежья Нине Федоровой (урожденной Подгорниной) — авторе романов «Семья»,

«Дети», «Жизнь» (в Москве увидел свет первый из перечисленных). Наверное в американских университетах не заставляют молодых ученых придерживаться «желобка» специализации, как это практикуется у нас.

VI.

Вторая книга стихов «Ледяная игла» была уже «потоньше в талии». Но разница между ней и «Аурой» — в меняющемся способе сканирования действительности и собственных ощущений автора (если помнить, что «скан» в английском означает угол зрения). В «Ледяной игле» меньше душевного тепла, прежней бархатистой пастельности письма. Но ведь стихи — не грелка, не приятный для глаза пейзажик в рамке. В новой книге более заметен философский контур стиха, стремление поэтессы дивиться «не целостности, но детали».

Но самая «незнакомая» Зубарева в упоминавшемся «Трактате об ангелах» (полное название поэмы — в стиле подобных средневековых сочинений — содержит семь десятков слов). На многоярусной антитезе человек-ангел автор строит свой парафраз библейской легенды сотворения человека. И как же изобретательно, порой парадоксально, творит поэтесса круг доказательств о преимуществах грешного человеческого рода в лице Адама и Евы над войском всегда безымянных ангелов.

«Трактат» понравился Эрнесту Нелюстрову, и он собирался его иллюстрировать для издания отдельной книжкой. Но известному скульптору не на все хватает времени — вот и «Золотое дитя» надо создать для Одессы-юбилярши. Недавно Вера сообщила, что «Трактат» будет иллюстрировать Александр Анусьевич, бывший одессит, много рисующий теперь, оказывается, ангелов. Удачи!

Так уж получилось, что в этом материале не процитировано ни одного четверостишия Зубаревой. Читатели волен сделать и свои выводы: стихи Веры были напечатаны в прошлом номере «ВО».

Анатолий ГЛУЩАК.